

Осторожно

Случай по пути домой

16+

Телегина Анастасия

Анастасия Михайловна Телегина

Осторожно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66551640

SelfPub; 2021

Аннотация

Случай уставшего человека (и ещё двадцати таких же уставших людей) по пути домой, который перевернул рутинный порядок вещей и заставил вернуться к любимой игре.

Анастасия Телегина

Осторожно

«Уважаемые пассажиры, занимайте обе стороны эскалатора!» Уважаемые пассажиры не прикасайтесь к неподвижным частям эскалатора! Уважаемые пассажиры, держите своих детей за руку. Уважаемый, Пётр Аркадьевич, почему вы опоздали? Уважаемый, Пётр Аркадьевич, вы не сдали проект в срок. Как же эта уважаемость бесит порой. Вот я вас не уважаю, ровно, как и вы меня, но своей наигранной вежливостью и постоянными то ли упреками, то ли просьбами, (сам пока не пойму, что это) из себя не вывожу. И снова эта надоедливая барышня с таким же противным голосом как у моей учительницы по математике: «Уважаемые пассажиры, занимайте обе стороны эскалатора!» Наверное, из-за этого голоса я и возненавидел математику. Дома ещё жрать нечего. И готовить лень. Может, заказать пиццу? Чтобы хоть что-то приятное произошло за сегодня? На мягком свежем тесте, с кусочками курицы, грибами, сыром и острым перцем... Эх, как же это аппетитно! Хотя, судя по моим успехам на работе меня скоро уволят, и деньги лучше отложить на черные времена, они не за горами. Сомневаюсь, если меня выгонят из компании за вечные опоздание и несвоевременно выполненные задачи, то другие работодатели начнут тянуть ко мне свои лапы, устраивая между собой бои без правил прямо на

моих глазах, в надежде доказать мне своё преимущество и заполучить такого драгоценного сотрудника как я. Ещё этот эскалатор, я и так на самом дне, куда ещё ниже меня везёшь, дорогой? Эх, как... неудобно... «Можно пройти?» Столпились. Очередь с эскалатора. Москва нерезиновая, как говорится. Особенно часто такое говорится такими как я, тамбовчанами. Скоро ли поезд? Уже едет. Хоть долго ждать не пришлось. Ммм... Там вроде даже места есть. Если я смогу ловко проскочить, одно из них смело может оказаться моим.

И вот я осознаю, что годы тренировок прошли не зря. Чувствую себя легкоатлетом на Олимпиаде, который только что выиграл в забеге на сверхкороткую дистанцию, на долю доли миллисекунды обогнав своего оппонента из горной Черногории. Хотя судя по контингенту, это скорее паралимпиада. Но аплодисменты в моей голове от этого становятся только громче, всегда поражала меня сила этих людей. Не физическая, нет, сила воли, мне кажется, кто-то из них должен обязательно поделиться со мной, ему явно на двоих хватит. Я занимаю своё заслуженное место под солнцем, в воображении я кланяюсь трибунам, пью спонсорскую водичку из бутылки, потом, приятно улыбаясь, говорю в камеру, что надо брать именно эту воду, я победил только благодаря этой воде.

Ехать мне достаточно долго. Я такую ерунду начал придумывать именно тогда, когда устроился на работу в другом конце города. Не знаю в чем причина: может в дальнем пути,

а может, что на эту работу пошёл я уже от отчаяния и безвыходности. Вот бы ещё никакая бабуська ко мне не пристала. Когда просит встать – это ладно, мне не так-то уж и сложно, или даже, когда орать и возмущаться начинают – тогда наоборот можно со спокойной душой не вставать. А вот когда она стоит, не то, чтобы близко и не то, чтобы далеко, когда она смотрит на тебя вроде невзначай, а вроде и специально. И когда взгляд у неё такой печальный и злой одновременно. Вот этого больше всего боюсь. И вот чтобы на такое не обращать внимание и не расстраивать свои уже расстроенные нервы, купил я себе электронную книгу. Сейчас читаю Оруэлла «1984». Это про нашу жизнь. Сейчас. Писалась она неизвестно когда, в тысяча бородатом году, но автор все так предугадал, предсказал, что вот и мы в наше время, в 2021 году все это видим. И большой брат, и новый язык, но не все ещё исполнилось, и на наших детей хватит. Оруэлл он как Ванга, тоже только правду говорил, но её ещё разгадать надо, там все в символах, образах, думать тут надо. Я достаю из рюкзака свою книгу, усаживаюсь поудобнее и вспоминаю, где остановился в прошлый раз. Хотя это было утром, я уже многое забыл и приходится начать на пару страницу раньше. Мы доехали до следующей станции, прячу глаза глубже в книги, на всякий случай. Боковым зрением все равно поглядываю на дверь, так сказать, сам ищу неприятностей себе. Вроде все чисто, а двери уже закрываются. Отлично!

В полузакрытые двери в середину выгона врываются пар-

ни с гитарой и барабаном. Барабан такой африканский, высокий, с красивыми узорами, очень яркий и, по-моему, безвкусный. Внешний вид парней тоже отпугивает: один с длинными волосами, завязанными в хвост, волосы сальный, видно очень давно не мыл их. Полы черного плаща почти касаются пола, а из-под мятого темного свитера торчит такая же мятая голубая рубашка. Второй, напротив, короткостриженный, в "модной" рваной черной джинсовке, в синих джинсах с дырками вместо колен, на ногах когда-то давно белые кроссовки. Таких парней как он я лет до 13 на своём районе обходил за несколько кварталов, а после 13 такие парни куда-то пропали, то ли их посадили, то ли они поумнели. Но вот остались на земле их предки, их жизнь прошла не бесследно... Никогда не понимал, насколько вот такие вагонные музыканты законны. Сначала я слышал, что за игру на музыкальных инструментах в метро можно выхлопотать приличный штраф, а потом я вижу, как музыканты играют на специально отведенных для этого площадках прямо на станциях. Вот если бы был уверен, что это все-таки вне закона, давно бы доложил на них, пожаловался. Они тут часто музицируют. Ну не именно эти, этих вроде бы ещё ни разу не видел, но какие-то, тоже странно одетые, постоянно встречаются. Очень раздражают меня. Итак, вагон гроыхает, уши закладывает, я самого себя не слышу, настолько громко, а тут ещё барабанят. Если бы красиво, то ещё пускай... А это? Чёрт пойми что. Сначала бы научились нормально играть.

Один, который гитарист, ещё и петь пытаемся, но это очевидно лишнее, его даже в микрофон плохо слышно. А то, что слышно больше похоже на завывания, чем на вокал. О, пошли, деньги им дают. Людям нравится. Но я-то не пальцем деланный, я-то знаю, что до искусства им далеко. А люди просто привыкли к этому массовому искусству. А я всё-таки окончил одну из лучших музыкальных школ города, да ещё и как окончил. Сколько было побед за это время, сколько оваций и восторженных возгласов. А потом то, сё, пятое, десятое, и я офисный работник, который с трудом помнит, как играть гаммы.

Какой странный дедок. Ходит по вагону, улыбается всем, счастливый такой. Я уже привык что в его возрасте ненависть к людям в метро достигает пика. Но может, пик уже прошёл, и он пошёл на спад, на спад ментального здоровья. Что происходит? Ладно деньги им дать, это я понял, а раздеваться-то зачем? Этот дед зачем-то снял верхнюю одежду. Ах, вот оно что! Дед решил раздеться, чтобы было удобнее танцевать. ТАНЦЕВАТЬ!!!! Он решил потанцевать. В вагоне метро. Под звуки плохой и скорее всего незаконной музыки. Но деду очевидно нравится. А всем нравится дед. Такие улыбчивые все сразу стали, смеются. Причем, видно, похорошему смеются, нравится он им. Хотя, что с блаженных взять? Нельзя на них сердиться. Ох, а вот эти его периодически возгласы удовольствия? Ммм, он перекрикивает и микрофон, и стук колёс поезда. Звуки истинного наслаждения.

Как же ему мало надо для счастья?

Слава Богу, песня закончилась, и этому цирку тоже суждено завершить свое существование. О да, дедок лезет обниматься к музыкантам и благодарить их, конечно, очень мило, но поезд скоро тронется, дорогие поспешите выйти, пожалуйста. Но музыканты активно отвечают на его любезности. Но господа, Вам там в следующем вагоне надо сыграть, денег заработать, на нормальную работу вам же лень идти, так хотя бы на этой не халтурьте. И, как и в прошлый раз, они уже выпрыгивали из полузакрывшихся дверей вагоне, чтобы дождаться следующего поезда, потому что в этот забежать они уже не успели. Мы наконец поехали, а я теперь могу спокойно почитать.

Ну что снова? Что за звуки? Что это? Что у этого деда в руках? Какой-то музыкальный инструмент? Это очень маленький синтезатор, соединенный с трубой? Или с гармошкой? Или в основе клавесин? Не знаю, что это, но выглядит это странно. А звучит? Звучит не менее странно. Странно, но интересно, никогда раньше такого не слышал. Я бы сказал, что мой музыкальный опыт достаточно большой, но такого я правда не слышал. Звук такой живой, он завораживает и не отпускает. Ты как будто катаешься на карусели, вместе с музыкой поднимаешься к высоким нотам, а потом резко падаешь к низким, но музыка не выглядит оборванной, грубой, она льётся также плавно как кисель. А вокруг все становится таким теплым и мягким, как в детстве молоко на

ночь. Чувствую себя коброй перед дрессировщиком-флейтистом. Наблюдаю за тем, как виртуозно бегают пальцы деда по инструментам, как все тело увлечено игрой. Он играет не просто руками, он играет и ногами, и головой, и желудком, и сердцем. Это слышно в каждом звуке.

Мой уход в потусторонний мир был приостановлен самим музыкантом, который спросил, чего бы мы хотели послушать, что для нас сыграть? Пока моя голова наполнялась тысячами моих любимых произведений, и я выбирал самое подходящее, кто-то выкрикнул название какой-то песни, очевидно, из популярной советской комедии. Я огорчился, потому что нельзя на этом волшебном инструменте такие пошлости играть. Но боже как я ошибся. В этих звуках было все: смех, слезы, мечты о хорошем будущем, сожаления о прошедшем, о том, что послушал маму и не стал поступать на музыкальный факультет, о том, что 6 лет потратил в институте, обучаясь неинтересной профессии. В этой музыке была исповедь перед самим собой, возможно первый раз за 10 лет, что я окончил школу, я первый раз себе в этом признался. По тишине вокруг, непростой тишине, а очень громкой и очень наполненной, я понял, что это коллективная исповедь, сейчас, наверное, все для себя открыли что-то важное, все в чем-то признались. Я открыл, что моя ненависть к уличным музыкантам, актерам, танцорам, художникам и другим людям, это на самом деле не ненависть. Это самая настоящая черная зависть, потому что они делают, что им

нравится. Что делаю я никому не нравится. Мне это не нравилось никогда, маме разонравилось, когда она впервые зашла ко мне в офис, а моему начальству не нравится все, за что надо платить. Поэтому я завидую. Завидую музыкантам, потому что они играют, возможно не так хорошо, как я, а все равно играют. И вообще я всем завидую, даже своим коллегам, потому что думаю, что они все счастливее меня. Но, пожалуй, это не так. Я вот сейчас смотрю в глаза остальных пассажиров и понимаю, что это не так. Здесь счастлив только этот дедушка. Возможно, во всей Москве счастлив только этот дедушка. Он не завидовал музыкантам, игравшим до него, он был счастлив за них, как за себя, счастлив их возможности играть, их таланту, навыку, вкусу он радовался как своим. Я тоже не хочу завидовать, я тоже хочу быть счастливым как этот дедушка. Хочу, чтобы глаза также светились. В последний раз я видел такие глаза на своём лице лет в 10. Весь вагон сидит, задумавшись, кто искренне улыбается, кто плачет, пожалуй, у всех есть о чем жалеть. Музыка закончилась. Весь вагон долго и громко аплодировал. Люди понесли дедушки деньги, но от них отказался. Он сказал: «Да я же так, для себя».

Скоро была станция, на которой дедушка вышел. Оставив нас одних, наедине с самими собой. Была абсолютная тишина, вот теперь уже тотальная, молчаливая и слегка пугающая. Даже парочки перестали переговариваться между собой. Моя книга упала на пол – видно отвлекся. Я поднял

её, захотел включить, но потом просто убрал в рюкзак. Я был слишком наполнен, причем наполнен положительными эмоциями, чтобы отвлекаться на это антиутопическую чушь. Мне стало страшно наконец увидев свою жизнь так. Я хотел, чтобы дедушка вернулся и продолжил нам играть. От этого бы снова стало легче, снова захотелось бы жить, а страх перед завтрашними решениями бы отступил. Но я знал, что этого не произойдет. Поэтому вышел на следующей, сел в обратную сторону, доехал до казанского вокзала и купил билет до Жуковского. Там со станции я вызвал такси и приехал к своим родителям, в дом, где прошло моё детство, в дом, где меня не было больше года. Мама с папой только поужинали и совсем не ожидали меня увидеть. Я поздоровался и ничего не объясняя сел за свой старый «Красный октябрь». И стал играть.